

Год литературы

Дыхание жизни

Тяга к творчеству часто выражается не в одном виде искусства.

В этом нам позволило ещё раз убедиться творчество земляков, чьи имена представлены на литературной странице.

Представитель «органов» Владимир Баканов, оказывается, был не только краеведом, историком, публицистом, но и поэтом.

Художника-оформителя, учителя технологии школы № 42 Владимира Лекарчука

знают как краевед, мастера резьбы по дереву, автора и исполнителя песен, литератора.

Эвальд Риб – скрипач-педагог почти с сорокалетним стажем, выдающийся пропагандист музыки и литературы среди детей и юношества, многолетний руководитель литературного объединения Карталинского района области.

И как ни различна литературное творчество авторов, читатель найдёт на него отклик в своей душе.

Круг чтения

Фронтоник, казак, поэт

© Дмитрий Рухмалёв

Читающая публика в Магнитке помнит Владимира Баканова не только как фронтоника, руководителя областной службы ГАИ в шестидесятые, заместителя начальника областного УВД в семидесятые, казачка, но и как краеведа, историка, автора публицистических статей в городских газетах. Однако как поэт он известен очень узкому кругу.

Эту несправедливость исправила центральная библиотека имени Бориса Ручьёва, пригласив школьников и знатоков литературы на час краеведения «Певец родного края», посвящённый творчеству Владимира Баканова.

На встрече были представлены книги Владимира Петровича, в том числе «Из истории Оренбургского казачьего войска». Многие из знавших Баканова, дочь Наталья Ганюшкина вспоминают, сколько времени он проводил в архивах, как ездил ради их посещения в другие города и был благодарен друзьям за

архивные справки, когда сам не имел возможности быстро выбраться из Магнитки. А главной темой исследований стала история станицы Магнитной.

Краевед Валерий Ефимов и поэт Станислав Пустовит рассказали о «своём» Баканове: оба равнялись на него, с его глубоким знанием казачьей истории. На встрече прозвучали фрагменты публикаций Владимира Баканова, его стихи. В короткой викторине о казачьем быте проявил себя знатоком восьмиклассник из тридцать девятой школы Нурислам Шагивалиев – участник казачьего сплава, член военно-патриотического клуба «Штурм».

Встреча пополнила библиотечные полки новыми изданиями: Наталья Ганюшкина подарила «центральной» книги отца, Валерий Ефимов представил своё биографическое исследование о старшем товарище «В. П. Баканов – певец родного края» с иллюстрациями Станислава Пустовита.

© Алла Каньшина

Юбилей

Знакомый Есенин

В библиотеке семейного чтения № 5 в честь 120-летия со дня рождения Сергея Есенина прошёл цикл мероприятий, посвящённых жизни и творчеству поэта.

В воскресенье была представлена презентация «Златокудрый поэт России». Весь день читатели слушали романсы на стихи Сергея Есенина, а слайды с биографическими фактами сменялись видеорядами из кинофильмов и показом редкой кинохроники – Сергей Есенин на открытии памятника Алексею Кольцову и с Айседорой Дункан на пароходе.

Юбилею поэта было посвящено и праздничное заседание литературного объединения «Магнит». За чашкой чая сотрудники библиотеки совместно с магнитогорскими поэтами и писателями порадовали читателей оригинальной литературно-музыкальной

композицией. А те тоже не были молчаливыми слушателями: рассказали, когда впервые прочитали стихи поэта, как он вошёл в жизнь каждого из них и остался навечно.

Не менее интересно прошла встреча со старшеклассниками средней общеобразовательной школы № 59. Приятно поразило, что современные дети знают и любят творчество Есенина. Интересно, что подростки и взрослые сошлись во мнении: читая стихи Сергея Есенина, его боль мы чувствуем как свою, горюем, грустим, восторгаемся вместе с ним. Мир поэта становится нашим миром, и в этом истина и чудо поэзии.

Сотрудники библиотеки благодарят депутатов Законодательного собрания Челябинской области Анатолия Брагина и Павла Шилиева за помощь в организации празднования юбилея всенародно любимого поэта.

Простые ценности

Три Робинзона

Есть книги на все времена: каждый находит в них отклик тому, чему «научилась» душа

Как ни бились со мной, дошкольником, старшие сестра с братом, дело не шло дальше умения складывать слоги. Но однажды отец принес из библиотеки «Робинзона Крузо» в яркой обложке.

В послевоенные годы с книгами было трудно, за самыми интересными в библиотеках записывались в очередь. Чтобы не задерживать их у себя – ведь прочитать хочется каждому в семье, самые интересные мы читали вместе, вслух: «Принц и нищий» Марка Твена, «Без семьи» Гектора Мало.

«Робинзон» захватил меня. Когда книга была свободна, я бережно перелистывал её, рассматривал иллюстрации, невидимкой ходил вслед за героем по острову, пытался предугадать, что дальше? До сих пор помню страх, пережитый с Робинзоном, когда он увидел следы людей на прибрежном песке...

В положенный срок книгу пришлось вернуть недочитанной: из-за нехватки времени взрослые успели пробежать с нами только начальные главы. Моему огорчению не было предела. Каждый вечер я караулил отца с работы, надеясь, что он снова принесёт «Робинзона». И однажды он, лукаво улыбаясь, нарочито медленно извлёк из своего старенького портфеля долгожданную книгу.

Но читать вместе по-прежнему было некогда: отец допоздна на работе, мама – крутится по дому как белка в колесе, старшие дети – в школе. Я снова и снова пытался скла-

дывать слова из непослушных букв. И они ожили, открыли мне волшебный смысл текста – я научился читать!

Чтобы не отвлекали, уединился с книгой в самых неожиданных уголках: за кадкой с фикусом, под обеденным столом со скатертью с бахромой. Какая там улица, какие друзья?

Дня мне не хватало. Я выменял у приятеля квадратную батарейку на любимого оловянного солдатика, смастерил из неё фонарик с тусклым светом, прикрутив к клемме лампочку из новогодней гирлянды. Но стоило мне ночью зашуршать страницами, накрывшись с фонариком над книгой, брат строго предупреждал: «Спать! Отберу!»

Пришлось искать другие пути, о которых мама любила вспоминать даже спустя много лет. Как-то ночью она поднялась проверить детей – подоткнуть одеяло, поправить свесившуюся с кровати руку. Моя постель оказалась пуста.

Мама забила тревогу. Все

проснулись, принялись искать «пропажу», проверили мои тайные читательские посты – нигде нет. Кто-то догадался открыть узкий кухонный шкафчик. На нижней полке, согнувшись в три погибели, я читал «Робинзона Крузо» при свете фонарика, шепча прочитанное по слогам. Семья, не стовариваясь, заплотировала: «Володя читает!»

Через много лет я наткнулся на «Робинзона Крузо» у букиниста. Издание более позднее, потрёпанное, но иллюстрации – те же, Жана Гранвиля, знакомого многим по книгам Жюль Верна и Джонатана Свифта. Я не устоял: купил «Робинзона» в память о своём открытии чудесного мира книги. Снисходительно прочёл несколько строк и – не смог оторваться.

В свои двадцать пять я встретился уже с другим героем-одиночкой: мужественным первооткрывателем и тружеником. Поразило тому, как меняется значимость бытовых предметов в условиях борьбы за существование. Это заставляет осознать подлинную ценность простых вещей.

Следующая наша встреча состоялась, когда мне было далеко за пятьдесят.

На дорогой сердцу томик я наткнулся в санаторной библиотеке. И хотя я выбрал несколько книг, начал – с «Робинзона». И снова это был другой мир, потому что я стал другим, с дорогим приобретённым жизненным опытом. На этот раз мне открылось, что за тридцатилетие вынужденного затворничества Робинзон закалился не только физически – он обогатился духовно: победил губительный страх, развешивающий разум, волю и душу, укрепил себя в вере и милосердии, пришёл к осознанному поиску Творца. Открывшийся мир был соизвучен моим взглядам, поиску смысла жизни, состоянию души.

Перевернув последнюю страницу, я мысленно поблагодарил Робинзона Крузо. Даст Бог, ещё свидимся – и я опять открою для себя новое в книге, которая сопровождает меня всю жизнь.

© Владимир Лекарчук

Владимир Лекарчук

Педагогический этюд

Эвальд Риб (1930–2003) – российский поэт, прозаик, автор пяти книг стихов, прозы и педагогических этюдов. Я познакомился с ним на одном из заседаний литературного объединения «Магнит» Нины Георгиевны Кондратовской в самом начале 80-х годов.

Честно, наше общение было эпизодическим и знакомство – почти шапочным, мы и виделись-то несколько раз. Помню, как он с трибуны прочитал, почти проиграл, как бы исполняя свой педагогический этюд, который через пятнадцать лет изложил в методической работе «Не засушить цветок», отразившей сущность его музыкально-педагогической концепции.

Не делай Нотке больно...

«Не каждый может стать профессиональным музыкантом, поэтом, композитором, художником, актером, но приобщиться к искусству может любой ребёнок, взрослый человек. Французский писатель однажды сказал: «Каждый ребенок – несостоявшийся гений». Только в чем?..»

Вот неразгаданная загадка для всех, кто воспитывает и учит детей. Не сразу я пришёл к выводу, что с детьми надо говорить на понятном им образном языке. Была в моем классе очень трудолюбивая девочка Галя, но играла плохо. Она сжимала шейку скрипки так сильно, что пальцы с трудом двигались, часто не подчинялись.

Однажды, когда она пришла на урок, я спросил:

– Галя, у вас есть собака?

– Нет... Кошка есть.

– Как её зовут?

– Я назвала её Нотка. Она всегда садится перед ногами, когда я начинаю играть.

– Ты любишь свою Нотку?

– Очень! Знаете, какая она забавная! Только начну заниматься, она на стол запрыгнет, куда я ноты ставлю, и сидит. Вся черная. Мордочка красивая-красивая. Чуть усиками шевелит. Песенку мурлычет и смотрит, смотрит на меня.

– Ты Нотку не обижаешь? Не делаешь ей больно?

– Нет, конечно.

– Так вот, Галочка, представь себе, что скрипка твоя не скрипка, а кошка Нотка. Возьми-ка свою скрипку – Нотку... Так... Хорошо... Не делай ей больно... Не души её... Она живая!

И тут Галя мягко прижала скрипку подбородком, а левую руку ослабила. Пальцы свободно пошли по грифу. Через неделю они даже побежали.

Так постепенно находил я приёмы образной передачи внутренних ощущений при начальном освоении инструмента. Я продолжал искать понятные ребятам слова. Искать их в окружающей жизни, в детской литературе, в речи самих детей.

Вскоре мои питомцы сами стали спрашивать, как сделать, чтобы пальцы не уставали, как добиться незаметного перехода в позицию, смены смычка.

Содержательнее становились и наши беседы, и я понял, о чём бы педагог ни говорил: об инструменте, близких людях, родном городе, музыке, живописи, литературе – всё должно воспитывать ребенка, оставлять след в душе и вносить в занятие музыкой дыхание жизни».

...Незадолго до кончины

магнитогорского поэта Александра Павлова мы говорили с ним о поэзии. Он читал стихи друзей, в том числе и строки Эвальда Риб.

Когда-то удивлял я зал стихами в раннем детстве, но только я тогда писал лишь на родном – немецком. Потом война... Сибирь...

Борьба

За урожаем без Бога...

У каждого своя судьба,

одна своя дорога.

Пусть за срубки брала беда,

пусть жил я не по плану,

пусть в старости согнут

года,

но солнечным останусь.

Павлов снял с полки небольшую книжечку «Капли весны» друга-музыканта, прочитал: «Дорогой Вере Антоновне – на добрую память, с пожеланием здоровья, счастья, удачи. 1994. Эвальд Риб».

Этот сборник Александр отдал мне со словами:

– Бери и поминай двух добрых людей, рано ушедших, маму и Эвальда Карловича.

Я поблагодарил, теперь выполняю завет Александра Павлова, вспоминаю – уже троих, ставших и мне надежными верными друзьями.

© Валерий Ефимов